

УДК 80

Е.Е. Бирюкова*

ЦЕННОСТЬ КАК ПАМЯТЬ И ПАМЯТЬ КАК ЦЕННОСТЬ: СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье исследуется содержание автонаррации, обуславливающееся спецификой автобиографической памяти, характеризующейся избирательностью и подвижностью. Автобиографическое произведение и в письменном, и в устном своем бытовании обращено к аксиосфере, где только ценное может быть актуализировано как память и впоследствии, вербализуясь, воплощено в форме прецедентных текстов, формирующих ценностный императив.

Ключевые слова: автобиография, автобиографическая память, автонарратив, аксиология, ценность.

Не будет преувеличением сказать, что последние тридцать лет в жизни страны стали не только временем социальных пертурбаций, но и эпохой аксиологического разлома, который обнаруживает себя в любом высказывании от первого лица, и прежде всего в автобиографической литературе.

Традиционно автобиографический текст рассматривается в дихотомии документального и вымышленного (история), общественного и личного (социология), жанрово обусловленного и индивидуально-художественного (литературоведение). Субъективность (автора, повествователя, читателя), пронизывая саму ткань автобиографического повествования, зачастую уводит его на периферию научного внимания. Тем не менее в современном гуманитарном научном пространстве интерес к самоописаниям жизненного пути диктует развитие методов их исследования, в том числе психологических. Так, нарративная психология в своей парадигме исходит из того, что элемент культуры может быть рассмотрен как текст, знаково-символическая повествовательная структура вербального или невербального характера. На базе этого понимания появляются современные работы, исследующие феномены внимания и автобиографической памяти (К. Гленн, Н. Стайн, В.В. Нуркова, Е.Е. Сапогова, М.В. Клементьева). При таком подходе история жизни предстает для самого автора и для социума в форме автобиографического нарратива.

Факт написания автобиографии уже сам по себе актуализирует аксиологическое поле. Почти все мотивы, внешние и внутренние, побуждающие к ее написанию, так или иначе апеллируют к ценностной системе координат субъекта. Очевидно, что исследование продуктов литературной деятельности с целью изучения их аксиологической палитры имеет значительное преимущество перед другими методами работы, которые подразумевают уже сложившийся ранжир ценностей, поскольку *автобиографический статус* произошедшему/непроизошедшему придает сам субъект. Вектор нарративной активности по отношению к материалу собственной жизни и наблюдаемые событийные «смысловые сгущения» позволяют со всей отчетливостью увидеть ценностную систему личности и ее сущностные характеристики. Постановка вопроса о принципах организации и аксиологии автонарратива дает возможность изучения за-

* © Бирюкова Е.Е., 2017

Бирюкова Елена Евгеньевна (alionabig@mail.ru), кафедра общей и социальной психологии, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

конов формирования структуры жизненного сценария, диагностической эффективности метода «свободного прошлого», терапевтического эффекта библиотерапии в целом. Так, в современной клинической психологии активно исследуется потенциал автобиографирования (Дж.М. Пуффет, Т. Тимсит-Бертнер, И. Шрутс и др.).

В реальной жизни поток событий представлен в его континуальной, текущей нерасчлененности, только в сознании субъекта он обретает *дискретность* и *смысловую наполненность*. Потребность в целостности автобиографии настолько велика, что статус «личной истории» могут получить и «квазизизни», ложные воспоминания, «легенды о себе». Уже произошедшее неизбежно, но *его интерпретации потенциально бесконечны* и ограничиваются лишь усвоенными субъектом схемами самодетерминации. Селективность памяти задана целями и условиями прошлых действий, реактуализация воспоминаний происходит в ответ на требования новой цели, при этом имеющиеся «пропуски» заполняются. Повышение субъективной детальности и яркости воспоминания является следствием нарастания актуальности мотива текущей деятельности. Процесс изменения характеристик воспоминания, как правило, протекает неосознанно для самого субъекта.

Подвижность памяти имеет важное функциональное значение — она задает базис актуального состояния личности. В матрице автобиографической памяти обнаруживаются и «жесткие элементы», высокозначимые на момент запечатления картины, и более «гибкие». Длительное устное бытование автобиографического повествования приводит к эффекту, часто наблюдаемому в фольклоре: текст обрастает инвариантами, ориентированными на достижение желаемого эффекта в рамках коммуникации. Будучи рассказанной несколько раз (себе или другому), история обретает все более совершенную с точки зрения актуальной реальности форму.

Повествование об автобиографическом событии всегда соотносится с образом «Я», его желаемыми (или отвергаемыми) характеристиками. Переживание достоверности, таким образом, рождается в точке актуализации, ощущении самоидентичности. Например, в работах В. В. Нурковой и ее соавторов доказывается устойчивая корреляция между качествами зрелой личности (показателями интернальности, рефлексивности) и оценкой собственного детства [1]. Это означает, что прямая связь между объективно благополучным жизненным опытом и его оценкой как благополучного не обнаруживается. Наши воспоминания о детстве — во многом ретроспективная модель актуального состояния. Негативная оценка собственного детства может рассматриваться как сигнал нарушения социальной адаптации — «мнемический нонкомформизм» всегда коррелирует с низким уровнем принятия себя. Таким образом, селективность психики взрослого заключается в отборе только тех воспоминаний, «натуральных» или любого иного типа, которые соответствуют актуальному строю личности. Автоповествование всегда выстроено вокруг системы ценностей и деятельности субъекта, а центральным его содержанием становится отношение к миру и себе в мире, адресованное реципиенту и динамически подвижное. Это означает, что воспоминания не только становятся материалом для построения личности, но и — в случае автобиографического повествования — *механизмом «самообъяснения»*, фиксации актуального «Я».

Важно, что методы автобиографического конструирования формируют не только прошлое субъекта, но и само его будущее. Функционально именно автобиографическая память обеспечивает обзор и выбор работающих жизненных стратегий. «Экзистенциальная готовность субъекта к событию» (Е.Е. Сапогова) заключается в «событийной готовности» человека к ожидаемому моменту, чье свершение *пред-*знается и *пред-*чувствуется. Эта интенция способна трансформировать жизненный опыт, исказить картину прошлого либо деформировать образ будущего.

Итак, автографическое воспоминание всегда есть *продукт автонарратива*, базирующегося на материале собственной жизни. Этот взгляд позволяет объяснить диагностируемую неоднородность воспоминаний, среди которых наравне с «натуральными» воспоминаниями обнаруживаются и «социальные» (результат опосредующих на-

туральные воспоминания диалогов), и «артефактные» (ретроспективно созданные с педагогической целью), и «фантазийные» (неосознанно вымышленные). Е.Е. Сапогова, анализируя биографические тексты взрослых авторов, констатирует такой факт: в процессе конструирования воспоминания подпитываются элементами, «почерпнутыми из семиотических ресурсов культуры (традиции, предания, фольклора)»: «Создается парадоксальное впечатление, что уникальность своего события, своих смыслов выглядит для личности более достоверной и убедительной при апелляции к имеющимся культурным прототипам» [2, с. 61].

Первые автобиографические элементы повествования (фиксация и воспроизведение отдельных моментов жизни) структурируются под влиянием взрослого, интериорируются, существуют в форме «внешней речи для себя» и лишь потом обретают устоявшуюся форму взрослого автобиографического повествования. С развитием личности мнемический поток обретает характер многоуровневой макроструктуры. Основным методом организации исходного материала становится *культурный жизненный сценарий*, который детерминирует схему содержания: основные события, их последовательность и значимость. Именно он предписывает, что подлежит приоритетному запоминанию, хранению, извлечению. По этой причине процесс автобиографирования может быть описан как «процесс когнитивного наложения системы усвоенных культурных прототипов, моделей и нарративных форм на рефлекслируемую цепочку индивидуальных жизненных случаев» [3, с. 38].

Представление о том или ином нормативном событии транслируется в рамках культурного кода. Агентами социализации выступают прежде всего тексты «культурного канона»: фольклорного происхождения, религиозного содержания, тексты классической литературы, а также рассказы значимых взрослых, статьи и репортажи СМИ и др. Жизненная реальность, еще не воплотившись в конкретном жизненном пути, уже имеет свою общую заданность, предварительный эскиз будущего жизнестроения. Функция прецедентных текстов состоит «в предварительной «разметке», «программировании», «форматировании» еще не состоявшегося в социокультурном пространстве жизненного пути, в его семантизации с помощью общекультурных средств» [2, с. 62]. Отсюда, кажется, и берет свои истоки кощунственно нефилологическое, но психологически достоверное вопрошание советской школы: «Кто твой любимый герой?», «На какого литературного героя ты хочешь быть похожим?», «В чем главная ошибка Онегина, Печорина, Базарова etc?» Можно предположить, что основное содержание культурной революции и заключается в смене прецедентных текстов (в первую очередь текстов автобиографического характера), задающей новые ценностные ориентиры.

Семантическое поле культуры для каждого отдельного субъекта предстает неиссякаемым, избыточным ресурсом для самопостроения, авторефлексии и автопрезентации. Объем семиотического ресурса личности находится в прямой зависимости от ее погруженности в культурное поле, круга чтения, образования, сферы общения, способности к самоанализу.

В свете вышесказанного можно с уверенностью утверждать, что автобиографическое произведение и в письменном, и в устном своем бытовании обращено к аксиосфере, где *только ценное может быть актуализировано как память* и впоследствии, вербализуясь, воплощено в форме прецедентных текстов, формирующих ценностный императив. На макроуровне совокупность автобиографических нарративов формирует аксиологический профиль нации, способный обнажить подлинные ценности, присутствующие актуальной картине мире. Именно автобиографическая память обеспечивает базис социальной идентификации: общее прошлое оказывается фундаментом переживания «совместности» или «отчуждения».

Текст собственного жизнеописания воплощает в себе самодетерминацию личности в потоке разнообразных потенциальных ценностей и смыслов и потому становится

ареной «аксиологической борьбы», происходящей в сознании автора и читателя. Таким образом, автобиографическое высказывание в его содержательном аспекте может быть помыслено как жест протivления аксиологическому хаосу, утверждение «Я есть», акт протivостояния – внутреннему сомнению, социальному давлению, экзистенциальной неизбежности.

Библиографический список

1. Нуркова В.В., Масолова Г.Ю. Характеристики воспоминаний о детстве и психологический облик взрослого [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2009/n4/Nurkova_Masolova.shtml (дата обращения: 07.11.2016).
2. Сапогова Е.Е. Событие в структуре биографического текста // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 60–64.
3. Сапогова Е.Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 37–51.

References

1. Nourkova V.V., Masolova G.Yu. *Kharakteristiki vospominanii o detstve i psikhologicheskii oblik vzroslogo* [Characteristics of childhood memories and the psychological profile of an adult]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2009, No. 4. Retrieved from: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2009/n4/Nurkova_Masolova.shtml (accessed: 07.11.2016) [in Russian].
2. Sapogova E.E. *Sobytie v strukture biograficheskogo teksta* [Event in the structure of a biographical text]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiia* [Cultural-Historical Psychology], 2006. No. 1. P. 60–64 [in Russian].
3. Sapogova E.E. *Avtobiografirovanie kak protsess samodeterminatsii lichnosti* [Autobiography as the process of self-determination of personality]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiia* [Cultural-Historical Psychology]. 2011. No. 2. P. 37–51 [in Russian].

Е.Е. Бирюкова*

VALUE AS MEMORY AND MEMORY AS VALUE: SUBSTANTIVE ASPECT OF AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS IN THE CONTEXT OF MODERN PSYCHOLOGICAL RESEARCH

A content of an autobiographical text can be considered from the viewpoint of narrative psychology. In this case, the content of the text and its elements act as agents of socialization, defining scenarios of life. The contents of autonarrative is preconditioned by the specificity of autobiographical memory, which is characterized by selectivity and mobility. The autobiographical work addresses to the field, where valuable can be updated as memory and then embodied in the form of precedent texts, forming the value imperative.

Key words: autobiography, autobiographical memory, self-story, axiology, value.

Статья поступила в редакцию 10/XI/2016.
The article received 10/XI/2016.

* *Biryukova Elena Evgenjevna* (alionabir@mail.ru), Department of General and Social Psychology, Samara branch of Moscow City Pedagogical University, 76, Stara Zagora street, Samara, 443081, Russian Federation.